

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-21

Серийное оформление — *Наташа Соло*
Иллюстрация на обложке — *Наташа Соло*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Чароит, Алан.

Ч-21 Кошеевич и война: [роман] / Алан Чароит. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 384 с. (Дивнозёрье)

ISBN 978-5-17-155691-4

По легенде, клять птицы-войны отпирается ненавистью, а запирается только любовью. Но между Дивью и Навью нет любви и мира уже много десятилетий. Их война кажется бесконечной, а реки злобы и споров не собираются иссякать.

Но даже в самой жестокой бойне есть место лучу света. Хватит ли его, чтобы остановить кровопролитие?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155691-4

© А. Чароит, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Чистосердечное признание

— О чём замечтался, царевич?

Яромир никак не ожидал, что Радосвет аж подпрыгнет от его вопроса.

— Уф, напугал. Нельзя так подкрадываться!

— Я не подкрадывался, — пожал плечами Яромир. — Просто хотел напомнить, что спать пора. Время уж позднее, а завтра опять вставать ни свет ни заря.

Разведчики донесли, что навьи войска на рассвете планируют наступление. И это было хорошо, потому что дивьи собирались заманить врага в ловушку. Чародей Восьмир придумал план, в котором отряду царевича отводилась роль подсадной утки. Всё должно было пройти без сучка без задоринки, но Яромир не мог не волноваться. А ну как не всё предусмотрели? Война есть война, любая оплошность может стать роковой.

Сперва Яромиру эта затея вообще не понравилась. Наследник у царя Ратибора один, стоит ли рисковать его жизнью? Безопаснее было бы заменить царевича на кого-то из свиты. Да хоть на того же Яромира. Наложить личину, чтобы враг обознался и рванул в погоню. Но Радосвет отказался наотрез. Мол, среди навьих воинов хватает колдунов, которые непременно обнаружат подлог. В этом была доля истины, но Яромир подозревал, что царевичу хочется погеройствоваться. И не мог осуждать — сам такой же. Кому охота отсиживаться

за чужими спинами, когда на родной земле хозяйничают навьи воины, злыдни и прочие упыри? Струсишь — себя уважать перестанешь. Поэтому он скрепя сердце согласился, что вести отряд должен Радосвет. Дивьи чародеи защитят царевича заклинаниями, а Яромир будет рядом. Коли понадобится, собой закроет лучшего друга.

— Нельзя мне спать... — вздохнул царевич, с тоской глядя на тонкий серп луны в тёмном небе.

— Это ещё почему?

Яромир сперва спросил, а потом хлопнул себя по лбу. Уже не раз ему приходилось грубо расталкивать друга по утрам и даже водой поливать из кувшина — тот никак не хотел возвращаться с Дороги Снов. Зазноба у него там. То есть не на Дороге, а в Дивнозёрье — чудесном мире смертных. И чего только Радосвет нашёл в этой девчонке?

— Я думал, ты уж её забыл. — Яромир, как ни старался, не мог скрыть пренебрежения. — Давненько о ней не вспоминали.

— Потому что она тебе не нравится, — прозвучало обвиняюще.

— Мне всё равно.

— Неправда! — сверкнул глазами царевич. — Ты считаешь, что смертная мне не пара. И между прочим, у неё имя есть: Таисья.

Не хватало только опять поссориться. Яромир вздохнул и промолчал. Ему было что сказать, да не хотелось повторяться.

Радосвет и сам прекрасно знает, что отец ни за что не позволит ему жениться на смертной, пусть хоть трижды прекрасной. Потому что кто прежде девиц из Дивнозёрья таскал? Правильно, Кощей Бессмертный, навий царь. Или князь? А, не важно. Главное, что ныне покойный.

Новый навий правитель Лютогор был полукровкой, плодом любви Кощея и некоей Василисы. Хотя эту связь вряд ли можно было назвать любовью. Поговаривали, что у Кощея не было сердца, и у его отпрыска, разумеется, тоже.

Мудрецы с давних пор говорили: от полукровок добра не жди. И оказались правы. Проклятый Кощеевич развязал войну, наслал на Дивье царство зимние ветра, лишил людей лета. Из-за него многие умерли от голода и холода...

Яромир ещё помнил, каким прекрасным прежде был родной край. А теперь кругом выжженные леса, разрушенные дома, боль, горе и смерть.

— Я люблю Таисью, — насупился Радосвет.

— Знаю. А в детстве, помнится, в Василису ходил влюблённый. Что ж тебя всё на смертных тянет, а?

— Василиса — это другое... — зарделся парень. — Тогда я совсем малой был. А с Таисьей — по-настоящему. На всю жизнь.

— Жизнь смертных коротка.

— Но молодильное яблоко...

— Пф! — махнул рукой Яромир. Обычно он не позволял себе перебивать царевича, но тут был особый случай. — А память у них ещё короче. Вот увидишь: выскочит твоя Таисья замуж, деток нарожает. Круглоухих.

Даже в ночи было заметно, как потемнели глаза Радосвета, и Яромир осёкся. Не стоило этого говорить. Ещё и в ночь перед боем.

Он сбавил тон:

— Прости. Я за тебя волнуюсь. Боюсь, эта девчонка разобьёт тебе сердце. А царевичу надобно о стране думать. О наших людях.

Радосвет открыл рот, набрал воздуха, но в последний момент передумал говорить, отвернулся. Обиделся, значит.

Яромир готов был врезать себе по лбу. Кто его за язык тянул, спрашивается? Привычка резать правду-матку в лицо — его дар и его проклятие. Но слово не воробей...

— Я должен тебе кое в чём признаться... — изменившимся голосом произнёс Радосвет.

Он избегал смотреть другу в глаза, и Яромир насторожился. Что там ещё?

— Только отцу не говори, ладно?

— Не скажу.

Воцарилась гнетущая тишина. Было слышно только, как в поле свистит ветер и хлопает плохо закреплённый край шатра. Яромир даже дышать забыл. Только когда в груди стало больно, опомнился и сделал вдох, за которым едва расслышал тихий голос царевича:

— У меня есть дочь.

Под Яромиром качнулось бревно, на котором он сидел.

— Что?!

— И она полукровка.

— Это какая-то шутка?

— Нет. — Царевич резко развернулся. Его веснушчатое лицо было очень серьёзным. — Этого никто не знает. Только ты.

Яромир отвязал с пояса флягу, вытащил пробку и сделал мощный глоток. Дивья бражка обожгла горло. Отдышавшись, он протянул флягу товарищу.

— Как это случилось?

— Тебе рассказать, как дети делаются? — фыркнул Радосвет и тоже выпил.

Яромир замотал головой. Он не желал знать подробностей.

— Я хотел спросить: когда только успели?

— Это важно?

— Пожалуй, нет.

Что там обычно говорят в таких случаях? Поздравляют? Но, с точки зрения Яромира, поздравлять друга было не с чем. Подумать только: дочь-полукровка! Хорошо, что не сын. Царь Ратибор нравом горяч и на расправу скор. Узнает — даже прибить может.

— Её зовут Аннушка, — улыбнулся Радосвет.

— Зачем ты мне вообще это рассказываешь? — Яромиру вдруг стало холодно. Не помогали ни меховая душегрейка, ни шерстяной плащ. Он обхватил ладонями локти, стараясь согреться.

Царевич ответил не сразу:

— Я устал держать всё в себе. Хоть мы и не во всём соглашаемся, но ты мой лучший друг. И я хочу попросить тебя об одолжении. Если со мной что-нибудь случится... ну, ты понимаешь. Не оставь Таисью и Аннушку.

— Да ничего не случится. Я защищу тебя! И мне не нужно будет говорить с твоей смертной и с её... то есть с вашей дочерью. С ней и не поговоришь толком. Она ведь, небось, ещё пелёнки пачкает? — Яромир пытался говорить беззаботно. Получалось плохо.

— Смертные взрослеют быстрее, забыл? Аннушке сейчас двенадцать. По нашим меркам это как четыре десятка или около того. Представляешь, однажды она станет старше меня! — Радосвет усмехнулся. Впрочем, как-то невесело.

Яромир такого не представлял и даже представлять не хотел. Ему было неловко, словно он самолично за Радосветом и его ненаглядной Таисьей в щёлку подсматривал. Неприятное чувство. Его наверняка не было бы, окажись эта девушка из дивных.

— На кого хоть малая похожа?

Не то чтобы Яромира и впрямь это интересовало. Спросил, чтобы не молчать.

Взгляд Радосвета потеплел:

— На Таисью. Такие же чёрные косы. А глаза — мои. И уши тоже.

— Острые? Ох, нелегко будет девчонке...

— Почему это?

— Потому что люди не любят тех, кто от них отличается.

— Значит, поэтому ты и не любишь смертных? — вздохнул Радосвет. — Они не такие, как мы.

— Эй, я ничего не имею против смертных, пока они там, а мы тут! Мне интересно, как они живут. Даже немного завидую, что ты побывал в Дивнозёрье, а я нет.

Яромир ничуть не покривил душой. Ему и впрямь было любопытно. И он бы с удовольствием заглянул в вязовое дупло, соединяющее миры, если бы представился такой случай. Но пока они с Радосветом были маленькими, дупла стояли закрытыми (как позже выяснилось, Лютогор постарался), а сейчас стало не до того: война.

Царевич будто подслушал его мысли:

— Вот закончится война, вместе ходим. Я тебя со своими познакомя. Глядишь, и твоё мнение изменится. Кровь не так уж и важна. Главное, чтобы человек был хороший.

— Может быть.

Яромир сказал это, только чтобы успокоить Радосвета. Как ни крути, а мудрецы знают, что говорят. Если они считают, что кровь смертных не должна смешиваться с кровью жителей Волшебной страны, значит, так оно и есть. И Лютогор — лучшее тому подтверждение.

С Кошчевичем Яромир никогда не встречался, но ненавидел его всей душой. Ведь именно из-за этого негодяя они с сестрицей Радмилой остались сиротами. Лютогор вморозил их родителей в нетающий синий лёд, когда те пытались защитить Светелград. Страшное заклятие превратило мать и отца в безмолвные статуи, которые царь Ратибор не позволил отвезти в фамильный

склеп. Во дворце нашлись покои, чтобы устроить усыпальницу, но Яромиру запретили туда входить. Мол, заклятие слишком сильное, можно самому обратиться в стылый лёд. Мало-помалу черты родителей стёрлись из памяти. Яромир помнил светлые шелковистые локоны матери, тепло её рук и запах колдовских трав. От отца остались суровый голос, жилистая ладонь, одобрительно хлопавшая сына по плечу, и меч — семейная реликвия.

Радмила была немногим старше, но воспитала брата, заменив ему обоих родителей. Яромир в ней души не чаял и всегда старался на неё равняться. Сестра лучше стреляла из лука, лучше сражалась. Помнится, едва в невестин возраст вошла, а её уже уважительно величали воительницей. Все царские дружинники за ней бегали, в женихи набивались, но Радмиле никто не полюбился. Сам воевода Баламут к ней сватался — и то не пошла. Отшутилась, что питает страсть только к ратному делу. За несговорчивый нрав её даже прозвали Северницей — так в Дивьем царстве называли самую суровую зимнюю бурю.

Завтра сестре предстоит вести в бой второй отряд — тот, что окружит врагов, погнавшихся за царевичем Радосветом. А если повезёт, даже пленить самого Лютогора. Жаль, убить его не получится: бессмертный, гад. Как и его папаша Кощей. Пока же Радмилины воины скрываются в низине за Вороньим холмом.

Яромир не сомневался, что сестра справится, о чём не преминул сказать ей ещё третьего дня, когда они достигли развилки, где пути отрядов разошлись. Радмила, улыбнувшись, кивнула, но украдкой всё же сплюнула через левое плечо, чтобы не сглазить. Никто, кроме Яромира, и знать не знал, что суровая Северница перед каждой битвой волнуется, как в первый раз...

Радосвет молчал и грел руки дыханием. Над Вороньим холмом занимался рассвет, и вместе с заревом

на небе в сердце Яромира разгоралось предвкушение славной битвы. Планировалось столкнуться с противником в расщелине, немного посопротивляться для вида и отойти. Пусть Кошечевич и его прихвостни думают, что дивьи люди решили отступить. Радоваться им придётся недолго — пока Радмила не ударит с тыла.

Третьему отряду под предводительством Баламуга пришлось отойти подальше — за воеводой пристально следили навьи соглядатаи. Яромиру хотелось верить, что тот подтянется уже к шапочному разбору, когда всё будет сделано. На его долю подвигов уже хватит. Пора дать дорогу молодым.

Ещё примерно час — и начнётся.

— Теперь ты задумался. Плохое предчувствие? — Радосвет сказал это будто с упрёком, и Яромир поспешил заверить его:

— Я тебе что, ворона-вещунья, чтобы каркать? Всё будет хорошо. Я гадал.

— Жаль, что гадатель из тебя так себе.

Это было чистой правдой. Вот мама умела и предсказывать судьбу по полёту птиц, и камешки раскидывать, и в чашу смотреть. Недаром она была верховной чародейкой Светелграда. Как же её не хватало... не только Яромиру — всему Дивьему царству.

— Радмила придёт вовремя, не сомневайся, — улыбнулся он.

— В ней-то я не сомневаюсь.

— А в ком тогда?

— В себе. — Радосвет вздохнул и тут же всполошился. — Только не подумай, я не трус!

— И в мыслях такого не было!

Яромир снова протянул царевичу флягу, но тот отказался:

— Сегодня мне нужна ясная голова. Знаешь, о чём я думал?

— Опять о Таисье? — Яромир не удержался от тихого смешка.

— Не угадал. О мире без войны. Я тут посчитал: в моей жизни было больше ратных дней, чем мирных. Сначала с Кошчем сражались, теперь с его сыном. Пара десятков лет передышки — это так мало.

— Но лучше, чем ничего.

— Кстати, а ты слышал сказку про Птицу-войну?

От такого внезапного перехода Яромир вздрогнул. Что творится в голове у его друга?! Мысли скачут с одного на другое, когда нужно полностью сосредоточиться.

— Я не люблю сказки, — буркнул он.

Но Радосвет, словно не слыша, продолжил:

— Говорят, она живёт в серебряной клетке у самой Смерти. Клетка заперта на замок, а ключ спрятан где-то в подлунном мире. Когда кто-нибудь находит ключ, клетка открывается, и птица вылетает. Так случаются войны.

Яромир недоверчиво покачал головой:

— Будь всё так просто, можно было бы найти тот ключ и спрятать его так, чтобы никто никогда не нашёл.

— Я не говорил, что всё просто. Это ведь не амбарный ключ и даже не потайной, как у отца в сокровищнице, а зачарованный.

— И что же это за чары такие?

— Ненависть. — Радосвет помассировал виски так, будто у него начинала болеть голова. — Клетка Птицы-войны отпирается ненавистью. А закрыть её может только любовь.

Яромир в задумчивости почесал кончик уха:

— Я не понимаю... Вот я люблю Дивий край, люблю сестру и тебя, моего лучшего друга. Вьюжку тоже люблю, хотя он тот ещё балбес и по ночам гавкает. Как это поможет остановить войну?

— Наверное, твоей любви слишком мало.

Яромиру отчего-то показались обидными слова царевича. Он развёл руками:

— Ну, извини. Уж сколько есть. Когда нападают — я беру меч. Когда оскорбляют — отвечаю. Или ты хочешь, чтобы я простил Лютогора? После всего, что он сделал с моей семьёй?

Кулаки сжались сами собой. В детстве Яромир, бывало, мутузил Радосвета. Теперь он ни за что не осмелился бы поднять руку на царевича, но встряхнуть друга порой хотелось. Чтобы не говорил ерунды!

— Нет, прощать нельзя, — мотнул головой Радосвет. — А вот если бы тот раскаялся...

— Держи карман шире! — Яромир сплюнул в снег. — Готов поспорить, это не твои мысли, не твои слова. Признайся, за кем повторяешь? За своей Таисьей небось?

— Да что ты к ней прицепился, как репей? — беззлобно фыркнул царевич. — Про Птицу-войну мне Весьмир рассказывал. Он могущественный чародей и мудрый человек. Мне кажется, к его словам стоит прислушаться.

— Этот мудрый человек тебя в ученики не взял. — Яромир напомнил о больном, и Радосвет, повесив нос, пробормотал:

— Может, и правильно сделал. Не даётся мне волшебство, хоть тресни.

Ну вот, опять расстроил друга...

— Будущий царь и без этого запросто может обойтись. Вон у твоего отца моя матушка при дворе чародействовала. И ты себе кого-нибудь найдёшь. Радмилу, например. С ней хоть на войну с Кошчеевичем, хоть к горынычу в пещеру. У меня самая лучшая сестра на свете!

Парень осёкся, но было уже поздно: Радосвет ещё больше помрачнел. У него тоже была сестрица Ясинка. Та ещё злодейка. Изводила младшего брата, как могла.

Только когда её замуж отдали в чуждальные земли, царевич вздохнул свободно.

Яромир хлопнул друга по плечу:

— Ладно, не будем о грустном! Есть ли какие весточки из Светелграда от царя и царицы?

— Давеча прилетала от матушки птичка, — улыбнулся Радосвет. — Все держатся. Отец проследит, чтобы защитные чары подновили, да к нам вернётся.

— Он уже который месяц так говорит! — вырвалось у Яромира.

Нет, он вовсе не думал, что Ратибор отлынивает от войны и прячется за высокими стенами столицы, но предпочёл бы видеть царя во главе войска. Это воодушевило бы всех.

Царевич понял невысказанные сомнения и тихим голосом вступился за отца:

— Не может он сейчас. Матушке нездоровится. Как тут уедешь?

Яромиру показалось, что Радосвет сам не очень верит в то, что говорит. Он затруднялся сказать, когда между царём и его наследником что-то разладилось. Но былая теплота ушла. Может, Ратибор подозревал о чувствах сына к смертной девице?

— Когда вернётся — непременно поговорите, — посоветовал он.

Радосвет открыл рот, похоже, собираясь возразить, но тут рассветную тишь прорезал звук рожка. Тревога!

Друзья вскочили, выхватили мечи. За шатром мелькнула тёмная тень, и Яромир бросился следом, увлекая царевича за собой. Разделяться нельзя. Царевич должен быть всегда на виду. Яромир за него головой отвечает.

Снег пестрел следами. Кто бы там ни был, ему не уйти!

Яромир вывернул из-за угла. Из горла вырвался судорожный вздох.

— Что за... — начал было Радосвет и осёкся.

У соседнего кострища вповалку лежали их brave ребята. Дюжина человек, может, больше. И снег под их телами пропитался алым.

В тот же миг тишину разорвали надрывный лай псов, звон мечей, стоны и крики. Вторая дюжина собиралась дорого продать свою жизнь, однако воинов в чёрных плащах было больше. Дивьи готовили ловушку, но сами в неё угодили. Наверняка не обошлось без навъего колдовства.

— Мы должны помочь Душице и её братьям! — Радосвет рванулся вперёд, но Яромир удержал его за плечо:

— Мох, Соловей и Горностай — отличные воины. Для них будет честью защитить своего царевича.

Радосвет хотел было возразить, как вдруг раздался зычный голос Душицы:

— Берегись! Кощеич здесь!

— По коням! — вскричал Яромир, не слыша собственного голоса из-за стука крови в ушах. — Уходим!

Царевич больше не думал сопротивляться. Отвязав повод, он вскочил на своего Гнедка, а Яромир взял первого попавшегося скакуна — серого в яблоках. Кони помчались в поля, взрывая копытами рыхлый снег. Краем глаза Яромир успел увидеть, как какой-то навий воин ударил Душицу рукоятью меча прямо в лицо. В тот же миг под ноги сестры рухнул Горностайка — самый юный воин из их отряда.

Делать нечего — придётся отступить вдвоём, оставляя друзей позади.

Ох, только бы Радмила успела!

Глава вторая

Заколдованный круг

— Значит, это и есть Северница? — Навий княжич Лис, более известный как Лютогор, Коцеев сын, одной рукой придерживая поводья, взирал на битву с холма. — Я ожидал девицу-поленицу увидеть. Богатырку. А это что за соплячка?

Он, конечно, лукавил. Девица была ладная и сражалась так легко и грациозно, словно танцевала.

— Не признал? — хмыкнул стоявший рядом с ним советник Май. — Это, между прочим, старшая дочь Лады-защитницы. Той самой, которую ты в ледяную статую превратил.

— И поделом, — буркнул Лис, отворачиваясь. — Сколько крови она нам попортила! А теперь, значит, дочка продолжила дело матери.

— Северница больше воительница, чем чародейка. Мне докладывали, что в колдовском искусстве ей до Лады как до луны.

Лис с досадой отмахнулся:

— До чего ж ты порой нудный, Май! Я не то имел в виду. Чую, хлебнём мы ещё горя её стараниями. Куда только соглядатаи смотрели, а? Выскочила откуда ни возьмись и давай бить наших.

Советник привстал на стременах, поморщился:

— Не пойму, ты злишься или восхищаешься?

— И то и другое. Чего рожу кривишь? Нога опять болит?

— Нет, — быстро ответил Май и опустил взгляд. Стало быть, соврал. — Эх, не поймать нам волчонка!

Ещё и тему сменил. Точно врёт. Хотя в остальном прав: Радосвета они упустили. Лис знал, что дивьи заманивают навий отряд в ловушку, и, казалось, всё предусмотрел. Птица-победа была близка — руку протяни, и ухватишь за хвост. Но Северница спутала все планы. Теперь её люди теснили навьих.

— Эй, ты куда собрался?! — прикрикнул на него Май.

Ишь, глазастый! Рука Лиса едва напряглась на поводах, а советник уже раскусил его намерения.

— Спустишь, посмотрю поближе.

— Сколько раз тебе повторять: не лезь в гущу сражения. Не княжеское это дело.

— Пф! Я бессмертный, что мне сделается? — повторил Лис заученную отговорку. — Да и Шторм-конь не даст пропасть. Чуть что не так, улетим в небо. Ребятам помочь надо.

— Вот и помогай. Пои заклинания отсюда. Или боишься, что не услышат?

Вот это было обидно. На силу голоса Лис никогда не жаловался. Пел так сладко, что звери лесные и те замирали. Складывал слова в заклинания, как опытный каменщик камни, и всегда добивался своего. Никто не мог противиться силе его голоса.

Враги, конечно, об этом знали и боялись песенных чар. Лис долго смеялся, когда узнал, что многие дивьи перед боем вставляют в уши затычки из воска и оттого не слышат не только колдовских песен, но и приказов своих командиров. Вот болваны!

Он надеялся, что с такими бестолковыми противниками война долго не продлится, однако ошибся. Пона-